

Виктор ПАВЛОВ:

Труд. — 1995. — 28 апр. — С. 5

«С Бугром в одной зоне я не сидел», но подобных персонажей на своем веку актер переиграл немало

Народный артист России Виктор Павлов три с половиной десятилетия работает в столичных театрах. Сыграл более 150 ролей в кино. Коренной москвич. В этом году

отметит свое 55-летие. Так уж получилось, что много лет мы живем на одной лестничной площадке — дверь в дверь. Что и дает нам право общаться на «ты».

— Ну что ж, Виктор, начнем с начала...

— Начнем. Жили мы на Сивцевом Вражке, в коммунальной квартире. Мое поколение не было избаловано. Нам не покупали игрушек, мы делали их сами — самокаты, самопалы, мячи из тряпок. С утра до позднего вечера гоняли во дворах в футбол, играли в казаков-разбойников, лапту, в пристенок. В памяти — гимнастерка отца, ужас, когда у нас с сестрой украли хлебные карточки...

Я вспоминаю теперь это трудное, страшное, противоречивое время с теплом и нежностью. Я был ребенком, и взрослые, не только мои родители, по мере сил оберегали нас. Люди тогда умели мечтать и верить, у них было больше доброты. Сейчас эти чувства, по-моему, во многом утрачены.

После семи классов пошел на завод учеником слесаря, потом работал радиомонтажником и учился одновременно в школе рабочей молодежи. Первым моим театральным учителем был прекрасный режиссер и актер МХАТа Вадим Николаевич Богомолов, который сказал, что у меня что-то получается.

— Какой была первая роль, первый спектакль?

— А первой у меня была... женская роль в школьном спектакле из жизни негров. Потом спектакль «Серая шейка». Окончив десятилетку, поступал сразу и в МХАТ, и в Щукинское, собиравшись даже в цирковое училище. Вместе со мной штурмовали творческие высоты Олег Даль, Сергей Никоненко, Михаил Кононов, Сева Соколов, Карен Хачатурян. Я должен был учиться во МХАТе, но Вера Николаевна Пашенная, Борис Маркович Казанский и Николай Александрович Анненков попросили разыскать меня и передать, что Павлова ждут в Щепкинском училище.

— Что тебе запомнилось после встреч и совместной работы с большими мастерами театра и кино?

— Я благодарен Виктору Трегубовичу, в фильмах которого дебютировал, Леониду Гайдаю, у которого снимался в «Операции «Ы», в «12 стульев», и, конечно, Евгению Ташкову за его «Майора Вихря», «Адьютанта», «Нетерпимость».

Вспоминаю своих учителей. Несравненный Игорь Ильинский, до последнего дня работавший... нет, живший в театре. Он уже почти ничего не видел, узнавал меня по голосу и говорил: «Иди-ка сюда, Виктор, что скажу тебе. У артиста должен быть свой голос, он должен хорошо двигаться, все ясно видеть и понимать. Если это покидает артиста, нужно тихо уйти».

— От чего же зависит творческий диапазон актера? От внешних данных или от мастерства?

— Считаю, нужно браться за все, что тебе интересно. Трагедийное и комическое — это две стороны одной медали. Естественно, та или иная роль накладывает отпечаток на судьбу, и надолго. Как-то возвращался я со съемок детективного фильма в плацкартном вагоне. В поезде ко мне долго присматривался один мужик, а потом тихо так говорит:

«Ну как там, в лагере? Бугор с Купцом все еще держат зону?» — «Да все вроде по-прежнему, — говорю. — А ты сам-то давно вышел?»

Смешной эпизод? Или страшный? Все дело в том, как посмотреть.

— Приходилось ли тебе в жизни кого-либо защищать?

— Я в детстве часто страдал от несправедливости учителей, воспитателей. Став постарше, везде, где мог, встречал, старался остановить несправедливость. А в нашей театральной жизни ее предостаточно. Вот, например, история моего ухода из театра Маяковского. Когда режиссер Андрей Гончаров при всех налетел на молодую безответную актрису, я вступился, и мы крупно поссорились. На следующий день, как все вспыльчивые люди, опомнились, но было поздно.

— Расскажи о своих последних работах.

— Самое интересное — это съемки фильма «Мастер и Маргарита». Здесь я испытал, пожалуй, сильнейшее за всю мою жизнь чувство. Это когда в сцене бала у Сатаны снимались двести или триста молодых прекрасных девушек. Тогда я понял, что женская красота всеобъемлюща и всепобеждающая.

Я это знаю. Ведь это я, Бегемот, руководил тем балом в квартире N 50 дома 302-бис на Садовой...

— Кого приходилось больше играть — «положительных» или «отрицательных» героев?

— Пожалуй, поровну. Но, конечно, тут есть большая разница. Положительным героям — почет и уважение, а отрицательным... Однажды в магазине, когда я попросил наглую тетку не лезть без очереди, она огрызнулась: «Ты, говорит, как в кино, так и в жизни сполочи!» А мальчишки пошло «Адьютанта» из подворотен свистят: «Эй, Мирон! Бандюга!» Но я не обижаюсь, а наоборот, считаю это комплиментом.

Раньше ведь были специально отобранные актеры на роли лениных, сталиных, дзержинских. И был лагерь «врагов», тоже ото-

бранных и утвержденных. После «Адьютанта» большие лица сказали: хватит давать премии «врагам». Стрельчику мы уже дали, а если еще и Павлову, то это будет идеологический перебор.

Вообще ампула — вещь ужасная. Великий актер Ростислав Плятт до фильма «Убийство на улице Данте» все время играл каких-то чудаков. Вспомните «Мечту», «Подкидыша», «Весну». И тем не менее он был счастлив. Потому что безумно любил свою работу.

— Говорят, ты очень увлекаешься голубями?

— Да, у меня и сегодня есть голубятня. Причем в самом центре Москвы, в Малом театре. Голуби помогают мне отвлечься, возвращают в детство. Но не только это. У меня странное отношение к смерти. Я не могу смириться, что человек исчезает навсегда. Я в это не верю. Белые голуби, которые взлетают над Малым, они — словно души актеров, когда-то работавших здесь. Вот эта гордая голубка — Гоголева, а этот любвеобильный — Царев...

— Ты по натуре оптимист?

— Да. Это помогает мне в жизни, в работе. Люблю розыгрыши, анекдоты.

— Знаю, что ты рисуешь. Это что, тоже хобби?

— Нет, не хобби, а подспорье в работе. Хотя есть у меня картины и для души. В основном это виды моей дачи и портреты друзей, жены Татьяны. А вот дочь Сашу написать никак не могу — очень уж она нетерпелива.

Обычно на гастроли я беру с собой краски, кисти и в свободное время беседую сам с собою на холсте.

— Расскажи немного о семье...

— Семья у нас дружная. Жена моя, Татьяна Говорова, заслуженная артистка России, всю жизнь играет в театре Ермоловой. Давным-давно, 28 лет назад, когда мы с ней встретились, она играла главную роль в пьесе «Гусиное перо». Я сразу обратил внимание на эту смешную девчонку. С тех пор

мы неразлучны, нам хорошо друг с другом.

Дочка Саша — врач. Хотя она и не лишена актерских способностей и, что греха таить, с моей помощью могла бы поступить и во ВГИК, и в ГИТИС, но не захотела. Я рад, что она нашла свое место в жизни.

— Часто из-за дверей твоей квартиры доносятся совершенно неземные ароматы...

— Да, тут наследственное: моя теща — южанка, жила в Сухуми. Она передала свое умение, а главное, желание вкусно готовить и дочери, и внучке. Поэтому своими лишними килограммами я обязан исключительно их мастерству. Да и сам люблю готовить. В нашей семье одно из традиционных блюд — утка по-читински. Делается очень просто: берешь яблоки, чернослив, жареные орехи, начиняешь утку, перед этим замоченную в крутом соляном растворе...

А вот на скорую руку можно сотворить дешевое и удивительное блюдо. Берете сырую картошку в кожуре и тщательно моете ее щеткой в теплой воде. Потом разрезаете вдоль, каждую половинку солите, обмазываете сливочным маслом, кладете на противень и — в духовку. Через полчаса на столе блюдо, от которого невозможно оторваться. Я замечал: гости оставляют в покое деликатесы, но картошку убирают подчистую.

Люблю всевозможные салаты. Причем огурцы, помидоры, редис, морковь, петрушку, лук, укроп выращиваю сам, на даче. На зиму готовим компоты из черноплодки, яблок, слив, смородины, варим варенье.

— Что бы ты хотел пожелать читателям «Труда»?

— Прежде всего — здоровья, благополучия в доме. И самое главное — доброты, бережного отношения друг к другу. Давайте учиться жить по-человечески. Это вовсе не сложно. Нужно только запомнить и соблюдать несколько простых правил. Их очень немного. Всего десять Заповедей.

Вел беседу
Лев ЦЕСАРКИН.